

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА АЛИКОВА
аспирант кафедры истории русской литературы Института филологии и искусств, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)
elizaveta-alikova@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИАЛОГА С ЧИТАТЕЛЕМ В РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Рассмотрение диалогового начала, диалогической поэтики и ее модификаций в литературе – в настоящее время актуальная, но малоизученная область литературоведения. Особенно не разработанной на сегодняшний день остается проблема репрезентации диалога в лирике, прежде всего в произведениях рубежа XVIII–XIX веков. Под «репрезентацией диалога» мы понимаем представление феномена диалога посредством его воплощения, функционирования внутри поэтического текста. Цель статьи – анализ форм проявления диалога с читателем в поэтическом тексте на материале стихотворений малоизвестных женщин-поэтов 1770–1820-х годов: Е. Урусовой, А. Жуковой, Е. Долгоруковой, А. Турчаниновой, Е. Херасковой. Особое внимание уделяется литературному наследию Е. Херасковой, где данная разновидность диалога представлена наиболее широко. Основные задачи статьи: выявление специфики диалога с читателем в женской поэзии рубежа XVIII–XIX веков, рассмотрение тематики, образа адресата и лирической героини стихотворений, включающих данный диалог. Сделаны выводы об уникальном характере явления диалога с читателем, представленного в лирике писательниц 1770–1820-х годов. В стихотворениях женщин-поэтов данного периода он объединяет в себе черты и внутреннего, и внешнего диалога. Кроме того, под влиянием тематики диалог с читателем в женской поэзии рубежа XVIII–XIX веков нередко трансформируется в воспитательный или медитативный диалог. Включение диалога с читателем в лирику писательниц 1770–1820-х годов оказывает влияние на жанровую природу произведений и способствует раскрытию целого ряда тем.

Ключевые слова: женская лирика рубежа XVIII–XIX веков, репрезентация, диалог, читатель

В науке о литературе термины «диалог», «диалогичность» относят, как правило, к художественным произведениям, созданным в XX столетии, реже – и к текстам XIX века. О воплощении примет диалога в русской литературе конца XVIII века исследователи, как правило, умалчивают, хотя именно в этот период происходит становление и развитие диалогового начала.

Интересным воплощением диалогового начала в русской лирике рубежа XVIII–XIX веков является литературное наследие женщин-поэтов данного периода. Диалог в их произведениях нередко представлен и на уровне содержания, и на уровне структуры. Наиболее распространены в творчестве женщин-поэтов времени сентиментализма внутренние диалоги и диалоги с читателем. Это во многом объяснимо гендерной особенностью – склонностью женщин к непосредственному и многогранному выражению своих эмоций, переживаний, желанием высказаться, поделиться самым сокровенным, потребностью учить и воспитывать.

В данной статье предметом исследования становится диалог с читателем в русской женской поэзии конца XVIII – начала XIX столетия. Этот феномен интересует нас и во внешнем, и во внутреннем своих проявлениях. Диалог включает в себя в том числе тематические и жанровые уровни. В итоге даже традиционно считавшиеся

в мужской лирике монологическими темы, например любви, богатства, в лирике женщин приобретают диалогический характер, объединяясь в своеобразные диалогические пары (любовь – смерть), либо обнаруживают несколько вариантов внутри при соотношении с внутренним миром писательницы-героини (например, богатство внешнее – богатство внутреннее, любовь ответная – любовь безответная и др.).

Материал исследования – стихотворения писательниц 1770–1820-х годов – свидетельствует о широком проникновении в поэтические тексты диалога с адресатом. При этом необходимо отметить, что данный диалог характеризуется наличием ярко выраженного назидательного начала, поэтому зачастую он преобразуется в воспитательный диалог. Показательные примеры мы находим в стихотворениях Екатерины Урусовой (1747 – после 1817), Анны Жуковой (? – ок. 1799), Елизаветы Долгоруковой (1766/1769–1822), Анны Турчаниновой (1774–1848) и особенно – в творчестве Елизаветы Херасковой (1737–1809)¹.

Все стихотворения Херасковой, обращенные к читателю, группируются вокруг общезначимых вопросов бытия: они заключают в себе мысли о человеческой жизни, о любви, людских пороках². Нетрудно заметить, что освещение отдельных тем в них обусловлено влиянием изданий, в которых публиковала произведения

писательница. К примеру, популярные в изданиях херасковцев «тема “злата”, корысти, приобретательства...» [7; 43], презрение к чинопочитанию [7; 43] получают довольно широкое распространение в ее творчестве. Более того, посредством слова, обращенного к воображаемому собеседнику, диалог с читателем через свод *ненавязчивых*³ советов, осуждение чинопочитания и стремления к богатству⁴ вырастает в литературном наследии Е. Херасковой до пропаганды идеи нестяжательства:

Когда твои чины злодей твой отнимает,
Не мысли никогда за то ему ты мстить:
Твой чин спокойствия души не составляет,
Ты можешь без чинов в веселии прожить.

(«Станс» («Не должен человек в бедах
отчаиваться...»)) (опубл. 1760)) [8; 222].

Довольствоваться малым призывает и другая писательница – Екатерина Урусова – в стихотворении «Кляйда» (опубл. 1777), в котором речь героини обращена к юным читательницам и их родителям: «Богатство, пышность, слава / Не есть спокойствие, но есть сердцам отрава...» [8; 211]. Подобный взгляд на материальные блага вполне закономерен и обусловлен существовавшими в то время представлениями о системе ценностей, на становление которых в значительной степени повлияли идеи христианства, способствующие «формированию идеала “быть”, а не “иметь” (по терминологии Э. Фромма)» [4; 212], не приемлющие и осуждающие стремление к богатству, призывающие к скромной бедности.

Помимо призывов к неприятию корыстных стремлений, в стихотворениях женщин-поэтов рассматриваемого нами периода довольно часто звучат советы противостоять злу и его всевозможным проявлениям (мести, зависти и др.): «Часть злую, клеветы и брани презирай» [8; 222]. Воплощением недоброго начала в представлении многих героев произведений писательниц рубежа XVIII–XIX веков является и любовь, поэтому, к примеру, героиня Е. Херасковой призывает избегать «любовой страсти», чтобы уберечь себя от страданий и сохранить вольное сердце. Ее «бесстрастна душа» «подвластна уму». Именно это помогает сохранить ей такой сокровенный для нее душевный покой, заветный для классического героя литературы эпохи сентиментализма. О разрушительной силе любви предупреждает и «обремененная мученьем и тоской» героиня Е. Урусовой – Кляйда, разлученная с возлюбленным Гиронтом строгим отцом. Покорная желанию родителя: «Я в сердце страсть храню, но долгу покоряюсь» [8; 210], она тем не менее обращается к читателям с просьбой не доводить свою родительскую власть до тиранства и не лишать детей права выбора будущего супруга/супруги, позволить им «избрать по воле часть». Конфликт долга и чувства, таким образом, сопряжен здесь с проблемой родительской

власти. Решаясь на отчаянный и очень смелый для того времени поступок – покончить жизнь самоубийством, Кляйда ждет от читательниц проявления сочувствия к ее судьбе, жалости, надеется на их поддержку:

А вы! Сраженные любовною тоскою,
Стените обо мне! Взрыдайте вы со мною!
И чувства страстные ко жалости склоня,
Скорбящу, страждущу, представьте вы меня!

(«Кляйда» (опубл. 1777)) [8; 211].

Между тем, несмотря на такое безрадостное восприятие жизни, героиня Херасковой учит стойко, достойно принимать все беды и напасти, говорит о необходимости ждать и терпеть. Призывы к терпению, христианскому смирению пронизывают все ее творчество:

...С терпением сноси печали и напасть.

<...>

...Жди, когда придет бедам твоим конец...

(«Станс» («Не должен человек
в бедах отчаиваться...»)) [8; 222].

Подобный совет находим и в творчестве другой писательницы – Анны Жуковой:

Кто счастливо желает
На свете жизнь вести,
Пушай приобькает
С весельем все нести.

(«Песня» (опубл. 1799)) [8; 30].

Залог счастливо пребывания на земле, как и смиренного и радостного принятия смерти, в представлениях героини Жуковой – «непорочно сердце». Доброта и неприятие лицемерия видятся ей верным способом сохранения чистоты души, обретения чувства гармонии.

К душевным радостям призывает героиня Долгоруковой («Эпитафия» (опубл. 1799)) [8; 23]. Обращения к добродетели объяснимы набожностью религиозной и богобоязненной героини, присутствием постоянного чувства страха перед Создателем и ответственности за содеянные поступки перед лицом вечности, поэтому звучат мысли о необходимости помнить о смерти: «Ты вечность не забудь, / Тебе напоминаю» (А. Турчанинова «Себе эпитафия» (опубл. 1798)) [8; 123].

Присутствие явных примет диалога с воображаемым читателем в произведениях женщин-поэтов конца XVIII – начала XIX столетия позволяет сделать вывод о диалогичном характере женской лирики этого периода, ее ориентации на слушателя.

Диалог с читателем в ряду других представленных в русской женской поэзии рубежа XVIII–XIX веков тематических форм диалога (диалог с Природой, диалог с Богом и др.) особенно примечателен тем, что представляет собой смешанную жанровую форму, поскольку содержит в себе черты и внутреннего, и внешнего диалога.

Речь героини – одновременно воззвание к себе и сознанию адресата / группе адресатов (к примеру, родителям, как в стихотворении «Кляйда» Е. Урусовой). Таким образом, диалог с читателем реализуется в движении от внутреннего диалога к внешнему: через диалог с собой, анализ собственных ошибок героиня, опираясь на свой собственный опыт, предостерегает воображаемого адресата от возможных опасностей, неприятных и непредвиденных поворотов на жизненном пути. Вместе с тем следует отметить, что советы героини не принимают сурового диктаторского характера и лишены сухого дидактизма, морализаторства. В них заключена кладезь женской мудрости и ошутима материнская забота.

Адресат в произведениях женщин-поэтов конца XVIII – начала XIX века предельно обобщен. Героиня, как правило, обращается к вымышленному персонажу, лишь изредка стихотворения обращены к замаскированной под инициалами подруге⁵. Однако в женской поэзии рассматриваемого нами периода – и в этом ее принципиальное отличие от лирики поэтов-мужчин – ошутима ориентация на воображаемого читателя, что объяснимо желанием женщин быть услышанными и выслушанными. Адресат, к которому обращены слова героинь стихотворений писательниц, это чаще всего ребенок, юная девушка, подруга-ровесница. Себя же героиня позиционирует как старшую сестру (стихотворение «Кляйда» Е. Урусовой) или как уже зрелую, умудренную опытом женщину (стансы Е. Херасковой, поэзия А. Жуковой, А. Турчаниновой).

Специфика диалога с читателем в женской лирике конца XVIII – начала XIX столетия заключается в ярко выраженном сплавe медитативного и воспитательного начала. Через свой взгляд на мир (хотя и не всегда оптимистичный) и его оценку героиня писательниц учит ценить то, что даровано свыше. Органично в связи с этим предпочтение формы 2-го лица единственного числа в качестве обращения к читателю, посредством которой значительно сокращается дистанция между автогероиней писательниц и воображаемым читателем, формируется ощущение доверительной атмосферы общения.

Диалог с читателем в стихотворениях писательниц 1770–1820-х годов реализуется прежде всего посредством таких жанров и жанровых форм, как стансы, сонет, героиды, треническая элегия, эпитафия, философская ода, литературная песня.

Кроме того, многие из них за счет включения диалога с адресатом принимают новаторский характер (к примеру, философская ода в лирике М. Пospelовой посредством введения поэтики детства преобразуется в воспитательную, литературная песня в творчестве А. Жуковой через обращение к воображаемому читателю приобретает не свойственный такому камерному жанру открытый характер с философским и назидательным содержанием).

Репрезентация диалога с адресатом в произведениях женщин-поэтов рубежа XVIII–XIX веков во многом способствует раскрытию семейной поэтики, проблемы воспитания, темы сохранения нравственной чистоты души.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известно, что Е. В. Хераскова благодаря своему таланту и способностям получила довольно высокую оценку от современников: А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова (см. [9; 362]).

² Осуждение пороков – одна из главных задач журнала «Полезное увеселение» [5], [6].

³ Именно эта характеристика более всего подходит к представленным в творчестве Херасковой советам, обращенным к адресату, и определяет их принципиальное отличие от проникнутых дидактизмом рекомендаций читателю, воплощенных в поэзии мужчин конца XVIII – начала XIX века.

⁴ Героиня стихотворения Е. Херасковой «Станс («Будь душа всегда спокойна...»))» (опубл. 1760) признается: «Пышной жизни не желаю» [8; 223].

⁵ Данная особенность определяет специфику женской лирики рубежа XVIII–XIX веков и совершенно нехарактерна для творчества поэтов-мужчин этого литературного периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В а л и ц к а я А. П. Русская эстетика XVIII века. М.: Искусство, 1988. 238 с.
2. В а ц у р о В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. 240 с.
3. Д м и т р и е в Е. В. Фактор адресации в русской поэзии XVIII – начала XX вв.: Дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2004. 348 с.
4. История и культурология / Н. В. Шишова, Т. В. Акулич, М. И. Бойко и др.; Под ред. Н. В. Шишовой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2004. 472 с.
5. История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. проф. А. В. Западова. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1973. 518 с.
6. К о з л о в а М. М. История отечественных средств массовой информации. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. технического ун-та, 2000. 104 с.
7. О р л о в П. А. Русский сентиментализм. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. 271 с.
8. Предстательницы муз: русские поэтессы XVIII века / Сост. Ф. Гёпферт, М. Файнштейн. Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 271 с.
9. Словарь русских писателей XVIII века / Отв. ред. А. М. Панченко. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3. 472 с.

Alikova E. A., Institute of Philology and Arts, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation)

**“DIALOGUE WITH A READER” REPRESENTATION IN RUSSIAN FEMALE POETRY:
END OF XVIII – BEGINNING OF XIX CENTURY**

A study of the dialogue, dialogue poetics, and its modification in literature is gaining significance. The problem of dialogue representation in lyrics remains poorly studied, and first of all, in the works created at the turn of the XVIII and XIX centuries. The category “representation of the dialogue” is understood as a phenomenon of the dialogue represented by its realization and functioning in poetic texts. The purpose of the article is to analyze different forms of the dialogue with the reader using lyrics and poems of the little-known female poets of 1770–1820: Ye. Urusova, A. Zhukova, Ye. Dolgorukova, A. Turchaninova, Ye. Kheraskova. Special attention is paid to the literary heritage of Ye. Kheraskova, where such type of a dialogue is widely represented. The key objectives are the following: detection of the dialogue with a reader in female poetry of the XVIII–XIX centuries, perscrutation of the theme, image of the addressee, and of the lyrical character. Conclusions on the unique nature of the phenomenon “dialogue with a reader” represented in female lyrics of 1770–1820 are drawn. Poetry of female poets of that period combines features of both internal and external dialogue. Moreover, under the influence of the theme, a “dialogue with a reader” in female poetry of the period is often transformed into educational or meditative one. It has also been revealed that inclusion of the “dialogue with a reader” into the lyrics of women-poets of 1770–1820s impacts the genre nature of their works and contributes to the development of new themes.

Key words: female poetry at the turn of the XVIIIth – XIXth centuries, representation, dialogue, reader

REFERENCES

1. Valitskaya A. P. *Russkaya estetika XVIII veka* [Russian aesthetics of the XVIIIth century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988. 238 p.
2. Vatsuro V. E. *Lirika pushkinskoj pory. “Elegicheskaya shkola”* [Lyrics of Pushkin’s time. “Elegiac school”]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 240 p.
3. Dmitriev E. V. *Faktor adresatsyi v russkoy poezii XVIII – nachala XX vv. Dis. dokt. filol. nauk* [Factor of Adress in Russian poetry of the XVIII – beginning of the XX centuries: Dr. philol. sci diss.]. Moscow, Mosk. ped. gos. un-t, 2004. 348 p.
4. *Istoriya i kul'turologiya* [History and culturology] / N. V. Shishova, T. V. Akulich, M. I. Boiko and others; Ed. by N. V. Shishova. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow, Logos Publ., 2004. 472 p.
5. *Istoriya russkoi zhurnalistiki XVIII – XIX vekov* [History of Russian journalism of the XVIIIth – XIX centuries] / Ed. by prof. A. V. Zapadov. 3rd edition, revised. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1973. 518 p.
6. Kozlova M. M. *Istoriya otechestvennykh sredstv massovoi informatsii* [History of Russian mass media]. Ul'yanovsk, Izd-vo Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo un-ta, 2000. 104 p.
7. Orlov P. A. *Russkii sentimentalizm* [Russian sentimentalism]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1977. 271 p.
8. *Predstatel'nitsy muz: russkie poetessy XVIII veka* [Muse mediatresses: Russian poetesses of the XVIIIth century] / Compiler F. Gopfert, M. Feinstein. Wilhelmshorst, Verlag F. K. Gopfert, 1998. 271 p.
9. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of the XVIIIth century] / Executive editor A. M. Panchenko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. № 3. 472 p.

Поступила в редакцию 08.12.2011.